

Цзян Цинъюань получил от Цзи Синъюэ прощальный звонок еще рано утром.

Он подумал, что раз уж человек проделал такой путь, то не проводить его было бы совсем некрасиво — тем более, что в прошлый раз встретить его в аэропорту не удалось, да и обед сорвался из-за ревнивого Шэнь Ланьшу. Так он и оказался в аэропорту.

Услышав сейчас едкие замечания Шэнь Ланьшу, Цзян Цинъюань повернул голову и встретился взглядом с его сдержанным лицом. Он приподнял бровь:

— Позже я попрошу тетю Ван купить тебе дома чан.

Шэнь Ланьшу не сразу понял:

— Зачем мне чан?

Цзян Цинъюань невозмутимо ответил:

— Будешь в нем уксус производить.

Обычные люди вечно говорят, что ревность — это женская прерогатива. Но, по его мнению, мужчины ревнуют ничуть не меньше. Ревность вообще не имеет никакого отношения к полу: все мы люди, у всех есть чувства и желания, а значит, все мы вынуждены страдать от них.

Шэнь Ланьшу, на мгновение лишившись дара речи, сжал челюсти. Он развернул кресло-коляску и с бесстрастным лицом направился к выходу из терминала. Лишь оказавшись под яркими лучами теплого солнца, он пробормотал:

— Если Цзи Синъюэ приедет еще раз, одного чана будет мало.

В его голосе сквозила легкая кислинка, приправленная иронией. Конечно, его парень уже ясно дал понять Цзи Синъюэ, что ничего не будет, и любой человек с хоть каплей гордости и самоуважения не стал бы навязываться. Но Шэнь Ланьшу забыл, что Цзи Синъюэ и Цзян Цинъюаня связывала не только дружба с детства, но и то, что Цзи Синъюэ и его мать в свое время очень помогли Цзян Цинъюаню. Даже если они не стали парой, за долгие годы чувства не так-то просто вычеркнуть из сердца.

Поэтому, когда Цзян Цинъюань собрал команду, нашел инвесторов и выпустил свое первое приложение с короткими видео, которое в первый же день набрало миллион скачиваний, Цзи Синъюэ специально приехал из города Жун, чтобы посетить праздничный банкет компании.

На банкете звенели бокалы. Помимо сотрудников, на вечере присутствовали инвесторы. Цзян Цинъюань как раз беседовал с одним из них — господином Чжао.

— Господин Цзян, я знал, что не ошибся в вас с самого начала, — сказал Чжао Пинлань, основатель компании Фэйюэ, с которым Цзян Цинъюань познакомился на аукционе.

Цзян Цинъянь чокнулся с ним бокалом:

— Благодарю за лестную оценку, господин Чжао.

Тот рассмеялся и похлопал его по плечу:

— Молодой человек, вы не заносчивы, полны мужества и новаторского духа. Я верю в вас и жду, что вы преподнесете мне еще больше сюрпризов.

Допив вино, он огляделся:

— Кстати, а где ваш спутник?

Из-за Шэнь Ланьшу, этого ревнивца, который обожает повсюду заявлять свои права, их отношения давно перестали быть секретом в кругах. Хотя современные люди, особенно молодежь, гораздо спокойнее относятся к однополым отношениям, чем двадцать лет назад, всегда найдутся старые консерваторы, считающие это аморальным. Но, как однажды ответил Шэнь Ланьшу своему дяде Шэнь Пинчжоу: раз уж родители и дед не против, остальным придется смириться. Пока никто не лезет с этим прямо к Цзян Цинъяню, он предпочитает не обращать внимания.

— Он? Уехал встречать кое-кого.

Цзян Цинъянь, сидя в инвалидном кресле, взглянул на вход. Вспомнив помрачневшее лицо Шэнь Ланьшу, когда тот уезжал, он посмотрел на часы:

— Как раз пора быть.

И стоило ему произнести эти слова, как в дверях появился высокий мужчина с изящными манерами. Сотрудники, столпившиеся у входа, невольно отступили, освобождая ему путь.

Черная рубашка, сшитая точно по фигуре, подчеркивала его мощный торс, а строгие брюки плотно облегали длинные ноги. Зачесанные назад волосы открывали высокий лоб, а под густыми бровями скрывался глубокий, пронзительный взгляд. Гордая осанка, тонкие сжатые губы — от него веяло аурой человека, к которому лучше не приближаться, и его появление тут же приковало всеобщее внимание.

Человек, шедший за ним, ничуть не уступал. Его фигура была не такой крепкой, как у Шэнь Ланьшу, но в нем чувствовался врожденный шарм, а слегка приподнятые уголки губ придавали ему вид этакого повесы. Студенческая неловкость окончательно улетучилась, а золотистая оправка очков добавляла облику интеллигентности. Верхняя пуговица рубашки была застегнута до самого воротника, что придавало ему оттенок сдержанности.

Когда они вошли, атмосфера в зале на мгновение замерла. Оказавшись в центре внимания, оба неспешно прошли по освободившемуся проходу прямо к Цзян Цинъяню. Господин Чжао,

проявив тактичность, тут же нашел предлог, чтобы удалиться.

— Цинъянь, поздравляю, — Цзи Синъе поправил очки и, наклонившись, протянул ему подарочную коробку.

Цзян Цинъянь с улыбкой принял подарок:

— Мог бы и не привозить ничего, главное, что пришел.

— Как я мог прийти на банкет моего брата с пустыми руками? Но... — Цзи Синъе, казалось, отпустил свои чувства и теперь говорил легко и непринужденно. Он взял бокал у проходящего мимо официанта и сам чокнулся с Цзян Цинъянем. — В этот раз ты должен как следует меня принять.

Он покосился на Шэнь Ланьшу, чье лицо выражало крайнее недовольство, и, усмехнувшись, продолжил:

— В прошлый раз я пробыл всего одну ночь и уехал, а вернувшись, понял, что ты даже не покормил меня толком. Обидно, правда? Так что в этот раз я намерен как следует тебя разорить. Не уеду, пока не съем всё, что не доел в прошлый раз.

Едва он закончил, из носа Шэнь Ланьшу вырвался короткий смешок. Цзян Цинъянь замер и повернулся к нему, встретившись с глубоким, тяжелым взглядом. В глазах Шэнь Ланьшу читался немой упрек. Цзян Цинъянь прикрыл рот рукой и кашлянул, а Цзи Синъе вдруг рассмеялся:

— Цинъянь, твой господин Шэнь мне не рад?

Еще бы он был рад! Шэнь Ланьшу больше всего на свете опасался именно Цзи Синъе. А что еще хуже — у них с Цзян Цинъянем уже год не было близости, и накопившаяся обида достигла предела!

Прошел год с тех пор, как они проводили Цзи Синъе в аэропорту. Компания Цзян Цинъяня, как и предсказывала Система, развивалась невероятно успешно. Если вычесть поддержку клана Шэнь и авторитет Шэнь Ланьшу среди инвесторов, больше всего его радовала команда разработчиков, которую он набрал еще в университете.

Стоит отметить, что когда он начинал поиск, компания только открылась. Талантливые люди либо открывали свое дело, либо их переманивали гиганты индустрии, а выпускники получше смотрели на его «пустую» компанию свысока. В итоге ему пришлось выбирать первых сотрудников из тех, кто остался.

Новичкам требовалось время, чтобы сработаться. В самом начале дел было невпроворот, и Цзян Цинъянь, будучи новичком в бизнесе, часто работал сверхурочно. Оставшийся в одиночестве Шэнь Ланьшу в конце концов порекомендовал ему талантливого управленца. Цзян

Цинъянь надеялся, что теперь, когда есть кому заниматься делами, он сможет проводить больше времени с любимым. Но, освободившись от рутины, он с головой ушел в разработку софта, практически поселившись в офисе. О совместной жизни не могло быть и речи, они едва виделись — только на банкетах, откуда он вытаскивал его из гор данных, чтобы хоть немного расслабиться.

А на банкетах неизбежно вино, и Цзян Цинъянь всегда пьянел. Шэнь Ланьшу жалел своего парня, но накопившееся желание превращалось в глухую ярость. И вот, когда софт успешно запущен, компания встала на рельсы и Цзян Цинъянь наконец-то освободился, чтобы уделить время возлюбленному, снова объявился этот неисправимый Цзи Синье. Учитывая ревнивый нрав Шэнь Ланьшу, он, должно быть, уже просто кипел от ярости.

— В ближайшее время в компании затишье, так что я готов сопровождать тебя везде, где захочешь поесть или отдохнуть, — Цзян Цинъянь решил проигнорировать колкость Цзи Синье в адрес Шэнь Ланьшу. В конце концов, он все еще не до конца понимал, что такое любовь, но четко разделял «своих» и «чужих». Да и после стольких банкетов, если бы он не научился разбираться в людях и их намерениях, то прожил бы свои годы зря.

Цзи Синье опустил взгляд, а затем улыбнулся:

— Что ж, тогда я не буду стесняться.

Банкет закончился глубокой ночью. Ли Сэнь поехал отвозить Цзи Синье в отель. Слегка захмелевший Цзян Цинъянь дремал, прислонившись к плечу Шэнь Ланьшу. Цзи Синье, сидевший на переднем сиденье, снял очки и через зеркало заднего вида посмотрел на того, кто уютно устроился на плече у Шэнь Ланьшу — уставшего, но спокойного.

Он задержал взгляд чуть дольше, чем следовало, и тут же ощутил на себе тяжелый, предупреждающий взгляд Шэнь Ланьшу.

— ... — Цзи Синье потер переносицу и беззвучно вздохнул. — Цинъянь, я приехал в спешке, завтра утром уже улетаю.

Цзян Цинъянь приоткрыл глаза:

— Так быстро? А как же обещание разорить меня на обедах?

— Господин Ван поручил мне проект, если справлюсь — получу повышение, — огни ночного города мелькали на его лице. Он закрыл глаза и откинулся на спинку кресла: — В следующий раз, когда приеду, тогда и разорю.

Это не было ложью — проект действительно был, но он уже завершил его. Просто он не мог смириться с тем, что человек, который когда-то считал его единственным, теперь видит в другом весь свой мир. Цзи Синье закрыл ладонью глаза, чувствуя горечь: в следующий раз, может быть, он сможет отпустить всё и по-настоящему, открыто пообедать со своим бывшим и

его парнем.

Когда машина подъехала к отелю, на улицах почти не осталось машин, лишь городские огни заливали ночное небо. Цзян Цинъянь проводил Цзи Синъе взглядом и приоткрыл окно:

— Во сколько завтра самолет?

— Не нужно меня провожать.

Цзи Синъе махнул рукой, даже не обернувшись, его голос звучал легко и беззаботно:

— Если я еще раз потревожу тебя, твой господин Шэнь точно притащит меня на тот свет вместе с собой!

Цзян Цинъянь обернулся и действительно увидел, как Шэнь Ланьшу с мрачным видом сверлит взглядом удаляющуюся спину. Он усмехнулся, поднял стекло и заметил:

— У тебя только на это и хватает сил.

Шэнь Ланьшу, видя, что он не злится, без тени смущения усадил его к себе на колени, опустил шторку, прижался лбом к его лбу и проворчал: «Считай, что он знает свое место». Затем он впился взглядом в блестящие губы своего парня, его дыхание сбилось:

— Жена, тебе ведь завтра не нужно в офис?

— Разве не муж? — Цзян Цинъянь приподнял бровь.

— Кто больше работает, тот и...

Его слова утонули в поцелуе. Цзян Цинъянь забыл одну вещь: драконы не только жадны, они еще и невероятно похотливы. Если бы он не знал вкуса, было бы проще, но стоило открыть этот шлюз, да еще после года воздержания — это было подобно прорыву плотины: сухие дрова встретились с яростным пламенем, и остановить это было уже невозможно.

В пустом коридоре второго этажа валялась одежда. Колеса инвалидного кресла проехали по каждому углу комнаты, не обошли стороной и ванную. Когда они, наконец, принимали ванну, Шэнь Ланьшу внезапно сжал его ступню, долго и напряженно глядя на него, а затем, украдкой взглянув на полусонного Цзян Цинъяня, наклонился и поцеловал его.

Полудремавший Цзян Цинъянь почувствовал щекотку и, не сдержавшись, пнул его ногой.